

Юрий Колкер

ОТВЕТ АЛЕКСЕЮ ВЕРНИЦКОМУ

по поводу его танкеток

2004

Уважаемый Алексей, не подлежит сомнению: Вам мои статьи о русской поэзии были интересны по ошибке. Обратились Вы ко мне по недоразумению или намеренно провоцируете меня. Вы ведь не могли не вычитать из моих статей, что я консерватор, ретроград; что новизну ради новизны я считаю спекулятивным вздором. Зачем же было спрашивать меня, что я думаю о *новой* форме?

Я всё-таки бросил взгляд на эту новую форму. И увидел то, чего ждал. Поэзии в Ваших *танкетках* нет. Точнее, её не больше, чем в обыденной речи. Произведение искусства не рождается без некоторой душевной (нравственной) работы, без расходования себя. Душевная работа небезразлична к размеру (объему) произведения. *Евгений Онегин* потребовал больших душевных затрат, чем «Я помню чудное мгновенье». Печально известное *произведение* Айги, буква А, многозначительно произносимая публично (раз уж вы прочли эту мою статью об Айги) не потребовало никаких душевных затрат. Все душевные затраты были там направлены на то, чтобы убедить нас, что это — произведение. На тот же путь становитесь и Вы. Декларировать — проще, чем жить и делиться жизнью с другими. Значительного содержания в шесть слогов не вложишь, будь Вы хоть сто раз гением. Но это содержание можно декларировать — и набербовать сторонников, заинтересованных в том же: в освобождении от душевной работы. У Вас сторонники есть; *танкетки* пишут и другие, не только Вы. Попробуйте написать их *произведения* на клочках бумаги без указания авторства, перемешать в шапке — и затем вытаскивать, как жребии. Вы никогда не скажете, кому какая *танкетка* принадлежит. Личностное, душевное (если по-старинному) — в них отсутствует. А безличного искусства не бывает. Вот вам и цена Вашей новации.

Вы пишете мне: «Зная, что Ваше мнение о новых поэтических формах всегда оригинально...».

Осмелюсь возразить: оно никогда не оригинально. Я за оригинальность гроша ломаного не дам. Я настолько стар, настолько принадлежу прошлому, что верю в истину, в нечто прекрасное и совершенное, к которому, если себя не щадить, можно в художественном произведении приблизиться.

Теперь несколько замечаний по поводу одного Вашего «критического введения»: «Никто не спорит с тем, что на глубинном духовном уровне можно уподобить поэзию молитве...».

Я — спорю. *Медный всадник* — не молитва, хоть и поэзия. К молитве бывает по временам близка только лирика.

Не по душе мне и эти Ваши слова: «Поскольку русская поэзия существует в контексте русской культуры, важным элементом которой является православие, русским поэтам имеет смысл обратить внимание на практику Иисусовой молитвы...»

В русской культуре — много «важных элементов». Например, античность. У Пушкина она важнее православия, у Мандельштама — тем более. Заболоцкий вообще без православия обошелся. Можно быть русским, принадлежать русской культуре — и православие на дух не переносить.

«Чему мы, поэты, можем научиться у тех, кто творит Иисусову молитву? Тому, что наша речь неизбежно естественным образом членится на отрезки, соответствующие длине дыхания...»

Членится! Вот уж велика наука! Без такого членения нет ни поэзии, ни вообще речи. Особенно умиляет меня это «мы, поэты». Спросите себя по совести: что Вы на самом деле тут хотели сказать и сказали.

«По моему мнению, оптимальной длиной одного выдоха в стихотворении, которое по своему настроению стремится уподобиться сосредоточенной молитве, является длина в шесть слогов...». Почему не в семь? Вообще: берите только простые числа — вот остроумная новация.

«...сообразно движению интонации русской речи: вверх в первой половине фразы, и вниз во второй половине фразы...» В греческой и латинской речи, в стихах, это всё было очень хорошо развито.

«...мы можем создать особенное, непрерывное поэтическое впечатление, если ограничим весь текст границами одного выдоха, то есть шестью слогами...»

Ограничим границами? Ловко! Шесть слогов тем хороши, что в них два однокоренных слова втиснуть затруднительно. И тем, что результату можно приписать любой смысл — по договоренности.

«Все эти соображения привели меня к созданию особенной поэтической формы — танкеток...» Вы действительно что-то создали? Поздравляю. Я жизнь прожил, а мне — не довелось. Людей, действительно что-то создавших, во всей мировой истории можно по пальцам пересчитать. По мне, соображения Ваши зыбки, произвольны и спекулятивны. Имя им легион. Другой «создаст» другую «поэтическую форму» на «соображениях» прямо противоположных, исключаящих.

«Слово "танкетки" я произвел от слова "танка"...» Но от его соседнего смысла, от пушки на гусеницах, не освободились. Смешновато получилось. Бээмпэтки.

«...два вида японских поэтических миниатюр, которые традиционно используются для медитации, и поэтому в какой-то мере приближаются к молитвам...». И здесь возражу: «в контексте русской культуры» (говоря Вашими словами) так ли необходима культура японская? Не притянута ли она за уши? Там «поэтические миниатюры» держатся не только на звукомысле, как у нас, но еще и на иероглифической графике. В европейских языках эта графика невоспроизводима, потому и дальневосточные поэтические формы фальшивы.

«В танкетке запрещены знаки препинания... что помогает медитации...»

Отказ от знаков препинания — глупость. Всегда глупость, во всех «произведениях». У Аполлинера тоже. Поэты мутят свою воду, чтобы она казалась глубже (Ницше). И не ссылайтесь на Библию, как делают некоторые. Попробуйте для начала отказаться от канализации или хоть от интернета. Докажите, что это помогает медитации.

Адреса своего Вы не указали, поэтому отвечаю тут, в гостевой книге моего сайта.

Всего доброго. ЮК